

Научная статья

[*\(Гледайте на Български език\)*](#)

DOI: 10.17748/2686-8814-2021-3-2-25-37

УДК 930.2

МЕНШЕВИЗМ 1917 ГОДА: ИСТОРИЯ ПАРАДОКСОВ

Ася Атанасова

Шуменский университет им. Епископа Константина Преславского

г. Шумен, Республика Болгария

rosi_angelova@abv.bg

Аннотация. В 1917 году в России из недр одной и той же партии вышли две политические силы – демократическая и диктаторская. Развитие общества по большевистскому пути для России не было предопределено – оно стало последствием череды ошибок, совершенных его оппонентами. Меньшевизм был его реальной альтернативой, однако меньшевики, пытаясь сбросить большевиков с политической сцены, на самом деле помогли им взять власть. Победа большевиков оказалась победой диктатуры над социал-демократией. Главный парадокс меньшевиков в том, что их идейная эволюция, прошедшая на европейский манер, привела к их политическому краху в российских условиях.

Ключевые слова: меньшевизм, большевизм, парадокс, революция, социал-демократия

For citation: Атанасова А. Меньшевизм 1917 года: история парадоксов //

Культурный ландшафт регионов. 2021. Том. 3. № 2. с. 25-37.

DOI: 10.17748/2686-8814-2021-3-2-25-37

Original article

MENSHEVISM OF 1917: THE HISTORY OF PARADOXES

Asya Atanasova

Konstantin Preslavsky Shumen University

Shumen, Republic of Bulgaria

rosi_angelova@abv.bg

Abstract. In 1917 in Russia one party takes on two different paths of development - one of democracy and the other – dictatorship. Bolshevism is not Russia's destiny but a series of mistakes, made by its opponents. The Mensheviks are its alternative, yet their actions did not remove Bolshevism from the political stage but helped it assume the

power. Bolsheviks' victory is not a victory of social democracy but one of dictatorship. The greatest paradox for the Mensheviks is the fact that their idea evolution in European style led to their downfall in Russian style.

Keywords: Mensheviks, Bolsheviks, paradox, revolution, Social democracy

For citation: Atanasova A. Menshevism of 1917: the history of paradoxes. *Cultural landscape of the regions*. 2021. . Vol. 3. № 2. с. 25-37. (In Russ.). DOI: 10.17748/2686-8814-2021-3-2-25-37

1917 год остается памятным годом в истории России. Он ознаменовал начало преобразований (завершившихся в 1922 г. образованием СССР), которые по своей сути не представляли для России ничего нового. Речь шла о ее государственных реинкарнациях. Россия часто меняла свою внешнюю форму – Киевская Русь, Московская Русь, Российская империя и т.д. Кажется, что она ищет то, что ей больше всего подходит.

Тогда никто об этом не догадывался, но тот год остался памятным для всей истории человечества. Октябрьская революция¹ была не только внутренней революцией страны (как Первая русская революция 1905 года и Февральская революция 1917 года), она вышла за ее пределы и изменила весь мир. Идея Эрнста Нольте о том, что холодная война началась в 1917 году, «с идеи социализма и ее революционного воплощения» [1, с. 440], звучит интересно.

Интересно также задаться вопросом, был ли большевизм неизбежен для России, была ли у нее альтернатива. Многие из тех, кто знаком с историей России, считают, что страна шла по своему собственному уникальному пути развития, не обращая внимания на окружающий мир и не следуя ни за кем. Поэтому нас не должны удивлять слова одного из крупнейших знатоков русской души и русского коммунизма Николая Бердяева, который писал: «...Большевизм не есть внешнее явление для русского народа, он есть духовная болезнь, соответствующая его духовному состоянию. Ошибочно считать, что это банда разбойников, руководимая внешними силами ... Большевизм – мой грех и моя вина» [2, с. 559]. Бердяев сравнивает приход большевиков к власти с падением Римской империи и античной цивилизации, с приходом варваров. Но этих варваров нельзя победить «кавалерийскими дивизиями». «Большевизм должен быть преодолен прежде всего изнутри, духовно, и только потом – политически» [2, с. 564].

В своих проницательных романах Достоевский даже предсказал социалистическую революцию в России и потрясения, которые она принесет с собой. Не зря говорят, что революции происходят по Достоевскому. Конечно, писатель не прорицатель, но он очень хорошо чувствует, куда движется общество в России с таким типом правления, огромной враждой между классами, социальной несправедливостью. Александр Герцен также говорит, что социалистическая революция произойдет сначала в России.

Если принять эти слова, то большевизм был неизбежен, как внутренняя судьба России, часть череды ее трансформаций.

¹ Существует много споров о том, является ли это революцией или государственным переворотом. Лично для меня это переворот с революционными последствиями.

Если нет., то к этому привели совершенно объективные события, в основном связанные с ошибками и слабостью его политических противников. По словам историка Александра Медушевского, в Октябре «нет предопределения, оно происходит от неверных шагов Временного правительства». Он выдвигает на первый план личностный фактор, указывая на одну из главных ошибок правительства в лице Александра Керенского – не уничтожение Советов [3, с. 20].

Медушевский считает, что главная слабость Временного правительства была институциональной. Если мы посмотрим на правительство в период с февраля по октябрь, то действительно увидим, что оно не спешило, чтобы вывести страну из революционной ситуации / атмосферы, в которую она попала. Сознательно или нет, но дух революции им поддерживается. Советы, возникшие в 1905 г. по предложению меньшевиков, оказываются идеальной революционной организацией, через которую Ленин возьмет власть. Советский Союз прошел через интересную эволюцию обеих фракций Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП). Но если у большевиков она имеет восходящую проекцию, то у меньшевиков направление обратное.

Первоначально Ленин рассматривал революционные организации как угрозу для самой партии, как орган, дублирующий их. Пока он не понял, насколько полезными они могут быть для достижения цели, к которой он стремился, – власти. Во время Корниловского мятежа проявился их военный потенциал. И самое главное, благодаря тому что они могут контролировать население, они становятся идеальной атрибутикой недемократического правительства.

Для меньшевиков Советы изначально были теми органами революционной власти, которые давали рабочим возможность самоорганизоваться и подготовиться к защите своих прав, будучи своего рода школой. Мартов даже считал их ступенькой в превращении партии из подпольной в легальную [4, с. 145-146].

В 1917 г. Федор Данн и большинство меньшевиков уже понимали, что Советы исчерпали себя, им нечего дать правительству и они сыграли свою роль. «Советы прекрасны для борьбы со старым режимом, но они не в состоянии удовлетворить потребности нового правительства – быть одновременно продовольственным штабом, судом, милицией и т.д.». «Новая власть строит новую государственную систему, с новыми институтами». А учитывая, что меньшевики причастны к новой власти, Дан заключает: «...Мы сами являемся могильщиками нашей организации. Советы были временным навесом, в котором могла найти убежище любая демократия. На месте хижин сейчас строится каменное здание» [5].

В российских революциях Советы превращаются из хорошей меньшевистской идеи в плохую большевистскую реальность.

Советы хорошо иллюстрируют политический путь меньшевиков. Последние входили в РСДРП, первой выступившую против большевиков и Ленина. Они сделали это еще до создания самой партии, потому что хорошо знали характер большевиков и их лидера. У меньшевиков была интересная, но трагическая политическая судьба в российской истории. Они не только были альтернативой большевикам в своей собственной партии, но и в 1917 г. стали альтернативой большевистской власти в России.

Возможно, это своего рода ирония, что одна и та же партия породила два пути, с которыми столкнулась Россия. Одна из них – умеренная социал-демократия, обращенная к Европе, другая – российский коммунизм, более связанный с азиатскими управленческими традициями.

Судьба Советов хорошо иллюстрирует парадоксы меньшевистской истории. Большевики создавали, насаждали и укрепляли те революционные организации, которые перейдут в руки большевиков и дадут им власть в России.

Сохранение Советов, их приход к власти, демократизация армии, отношение к войне, к буржуазии и т.д. – это ряд политических решений, принятых меньшевиками с целью приблизить Россию к лучшему и демократическому правлению. Но эта мечта не была осуществлена, решения меньшевиков помогли привести к власти силу, которую они не любили и не понимали и против которой боролись на протяжении всего своего существования. Это величайший парадокс в их истории.

Станислав Тютюкин, один из самых видных исследователей фракции, называет их «идейно-политическим и социокультурным феноменом» [6, с. 103]. И это действительно так, но для России, а не для Запада. Несмотря на то, что они являются двумя сторонами одной медали, политическое, экономическое, моральное столкновение между двумя фракциями не ограничивается физическим уничтожением меньшевиков. Это столкновение многослойно и постоянно развивается, обнажая еще один вопрос / проблему, свойственную России – Восток или Запад. Этот вопрос для России очень стар и неисчерпаем. Все преломляется через него.

Само место создания страны, принятие христианства в период его разделения на католиков и православных, то, как строилась Московская Русь, идея «Москва – третий Рим» – все это отдаляет страну от Европы, от Запада, она даже становится враждебной ему. Пожалуй, нет такого политика, философа, общественного деятеля, писателя, который бы не задумывался над этой темой и не считал ее основополагающей для российской сущности и мировоззрения. Одно из самых точных мнений, лично для меня, опять же у Бердяева: «Противоречивость и сложность русской души может быть связана с тем, что в России сталкиваются и взаимодействуют два потока мировой истории – Восток и Запад. Русская нация не является ни чисто европейской, ни чисто азиатской. Россия – это целостная часть мира, огромный Восток-Запад; она объединяет два мира. И всегда в русской душе боролись два начала, восточное и западное» [7, с. 240].

Объединение двух миров и взаимодействие между ними имеет свои плюсы и минусы. Но в политическом плане эта комбинация кажется скорее помехой, Россия не может найти себя. С одной стороны, она хочет идти вместе с европейскими странами, с другой стороны, она всегда хочет быть лидером, неограниченно делая то, что считает нужным. И если на Востоке такое поведение проходит, то на Западе – нет. Такая раздвоенность мешает ей, толкает ее на политику, которая вызывает недоверие у ее партнеров. Сэмюэль Хантингтон говорит о «разделенных странах» и о том, как они «заражены культурной шизофренией» [8, с. 219].

Корни политического раскола можно проследить в деятельности декабристов.

Большевики не могут избавиться от этих мыслей, они не могут не задавать себе вопрос – приближает или отдаляет их партия Россию от Европы. РСДРП сочетает оба направления: меньшевики приближают ее, большевики отдаляют. Хотя, по мнению Хантингтона, они приносят его на Запад, потому что марксизм – это западное течение. Для него после распада СССР общение с Россией стало более сложным. Если бы он говорил только о меньшевиках, можно было бы согласиться с этим утверждением, но именно большевики сохранили лишь внешнюю оболочку

ку марксизма, они так приспособили его к российской действительности и особенно к своим собственным нуждам, что от оригинала почти ничего не осталось.

Своей умеренностью, готовностью к компромиссу с либералами, плюрализмом, столь характерным для меньшевизма, пересмотром крайностей марксизма, отказом от революции любой ценой они гораздо ближе к западной социал-демократии, чем большевики. Последние больше опираются на русские традиции революционной борьбы, на русское мировоззрение и менталитет, поэтому они и побеждают в борьбе с меньшевизмом.

Давид Левин-Далин считает, что одно из главных различий между двумя течениями определяется именно тем, в каком направлении они смотрят и думают: «Меньшевики смотрят на Запад, поэтому их гораздо меньше, большевики – на Восток, веря в русскую самобытность, независимость, видение которой имеет под собой хорошую почву в России» [9, с. 147].

В этой статье уже есть цитата одного из лидеров меньшевизма, Ноя Жордания (с 1920 г.), который также говорит: «Запад или Восток – вот вопрос, стоящий перед нами, и здесь колебания невозможны... Наша дорога ведет в Европу, дорога России, дорога Ленина – в Азию. Враги будут говорить, что мы на стороне империалистов. Здесь я заявляю решительно: я предпочитаю империалистов Запада фанатикам Востока!».

Подобной точки зрения придерживался и один из виднейших меньшевиков, человек, который первым выступил против Ленина, – Мартов. Его отношение к Октябрю категорично: «Эксперимент большевиков по насаждению социализма в экономически и культурно отсталой стране – бессмысленная утопия ... Я органически не могу примириться с аракатеевской концепцией социализма и пугачевской концепцией классовой борьбы ... с попыткой заставить европейский идеал расцвести на азиатской почве ... Сегодня “окопно-военный” квазисоциализм, основанный на тотальном “упрощении” всей жизни, находится в полном расцвете» [10, с. 586].

Александр Потресов также видит разделение в подходах. И в этом перевооружении уже не Европа, а Азия. Большой проблемой для него является то, что в России нет национальной спайки между обществами.

Чрезвычайно интересным документом является письмо Павла Аксельрода к Мартову, написанное в 1920 г. В нем рассматривается ряд вопросов, как, например: какова была роль большевиков в революции; как нужно было реагировать на Октябрь; как Запад должен был отреагировать на происходящее в России и т.д.

П. Аксельрод был одним из лидеров меньшевизма, который создал его программу, идеи и методы работы. В отличие от большевиков, у умеренных социал-демократов нет одного выдающегося лидера. Сам меньшевизм распадается на множество течений, и каждое из них имеет своего лидера. В определенные моменты это работает на них, такой плюрализм делает фракцию более привлекательной, и поэтому в нее вступает больше рабочих, независимо от их политических взглядов. В сосуществовании РСДРП были периоды, когда меньшевики были предпочтительным крылом. П. Аксельрод видит силу партии в уважении к чужому мнению. Но это не всегда срабатывает, разделение сыграло злую шутку с меньшевиками в тот самый момент, когда они должны были объединиться, – во время революции.

Вот что думает меньшевик о принятии Западом большевизма: «Запад не может принять большевизм для страны с высокоразвитой цивилизацией, но в экономически отсталой России считается законной и оправданной азиатская основа ее системы управления, то есть система удушения русской революции, демократизации, уничтожения ее пролетарского авангарда, полного разрушения огромной страны и ее культурных богатств» [11, с. 50].

Политолог Сергей Кара-Мурза рассматривает Февраль и Октябрь как два противоположных прогноза будущего России. Он анализирует людей, совершивших обе революции. Это разные поколения, разные образы мышления и действия, отсюда и разные цели. По его мнению, одна из главных причин неудачи Февральской революции заключается в том, что большинство населения по-прежнему было далеко от взглядов либералов и умеренных социалистов на буржуазно-либеральные преобразования, на их попытки навязать экономике страны капитализм западного образца. Это происходит в то время, когда все население России охвачено стереотипом – ненавистью к буржуазии и богатым. Временное правительство еще больше усиливает эту ненависть, его программа неадекватна насущным потребностям общества. Октябрьская революция предлагает другой проект, который в новых, но понятных формах исправит то, что было сделано в феврале, и вернет Россию на исторический путь ее развития. «Вся власть Советам!» – то есть самодержавие, но не царя, а избранных депутатов. Государство – отец народа, коммуна даст работу рабочим, капитализм уйдет из России [12, с. 199-202].

Октябрь действительно возвращает Россию на исторический путь ее развития, тот уникальный путь, о котором говорят и славянофилы, и народники. Как будто реформы Петра I (не все, но многие из них укрепляли абсолютизм и государство), декабристы, Февраль, Временное правительство нарушили это ее спокойствие, сбили ее с пути. Следующим великим «потрясением» для России, которое встряхнет ее и изменит в корне, станут реформы Бориса Ельцина. У него не будет колебаний Временного правительства, он будет действовать быстро и решительно.

Меньшевики, по крайней мере в верхних эшелонах фракции, гораздо лучше образованны, чем большевики. Зива Галили обращает внимание на это любопытное правило в рядах российских социал-демократов. В марксизме их привлекает его аналитический подход, прежде всего перспектива развития страны по западной модели. Она не преминула добавить к этому тот факт, что в меньшевистских кругах преобладают представители двух этнических групп – грузины и евреи, которые дают свою трактовку происходящему. [13, с. 33-34].

Леопольд Хеймсон также видит эту разницу между двумя фракциями; их образование, мораль и космополитизм делают их предпочтительным партнером среди западных социалистов [14].

Неудивительно поэтому, что одно из многочисленных идеологических течений, на котором стоит сам меньшевизм, носит название литературы [15, с. 31-35]. В итоге меньшевики остались больше интеллектуалами, чем политиками.

Создав и насадив Советы как революционные органы власти, меньшевики создали идеальный фундамент, на котором большевики будут стоять на пути к власти. Народ, в лице крестьян, солдат, рабочих, верит в Советы и стоит за них. Эти организации впервые дают им право самим участвовать в управлении стра-

ной. «В глазах населения власть воплощалась не в государственных органах, а в Советах» [16, с. 48]. Ошибка меньшевиков заключалась в том, что они опоздали с их отменой.

Следующий парадокс меньшевиков – это их отношение к власти. Здесь уже сталкиваются марксистская догматика и реалии России 1917 года. Вообще в ходе русских революций есть путаница, и происходит она оттого, что они безвозвратно опоздали. Россия хочет наверстать то, что упустила за несколько лет, и она торопится. За эти годы она прошла через процессы, которые в Европе длились веками, и сумела построить стабильное общество с либерально-демократическим правительством. Эта путаница привела к ряду ошибок и нелогичных действий самих политиков. Меньшевики блуждают между догмами в голове, установленными марксизмом, и возможностями, которые предоставляет им политическая ситуация, – взять власть. Но как, не совершив социалистической революции? Либералы, со своей стороны, вынуждены вступать в союз с теми, кто по законам политической логики должен отстранить их от власти. Но они делают это из страха, потому что знают, что без меньшевиков и эсеров улица сметет их. Таким образом, создается политический гибрид, известный как двоевластие.

На Женевской конференции 1905 года умеренные социалисты четко заявили, что они «не войдут во власть и не разделят ее во Временном правительстве без совершения социалистической революции, а останутся партией в крайней революционной оппозиции» [17, с. 123]. В 1917 году, когда они пришли к власти, социалистической революции в России не было. Меньшевики действительно не стремятся к власти, Денике говорит о них, что «у них нет воли к власти, и это соответствует их психологии, это отличает их от большевиков» [16, с. 34-35].

Меньшевики предали свое понимание власти и дорого заплатили за это. Опять же, их желание поступить правильно, помочь выйти из кризиса, приводит к тому, что они, придя к власти, теряют доверие народа и в итоге уходят влево, к большевикам.

Следующий шаг / парадокс, с помощью которого меньшевики приближают Ленина к власти, – приказ № 1. Армия – одна из опор самодержавия: когда она стоит за ним, оно остается (1905–1907 гг.), когда отступает от него – падает (февраль 1917 г.). А когда нет самодержавия, солдаты остаются не только без царя, но и без военного лидера. И это во время войны.

Солдаты вступают в бой с криком «За Веру, Царя и Отечество!», а отречение от престола во время войны освобождает солдат от присяги, смысл войны теряется [18, с. 93].

Новое правительство опасается миллионов солдат, оставшихся без контроля, и спешно проводит реорганизацию, чтобы контролировать их. И это удается, но ненадолго. Всего за несколько месяцев «крестьяне в серых шинелях», как называет их Николай Суханов, встали на сторону сначала меньшевистских Советов, затем большевиков – две радикально разные политики. Это доказывает меньшевистскую теорию о том, что крестьянам и солдатам нельзя доверять.

Первые дни были очень напряженными для нового правительства, которое также находится в процессе формирования; нет уверенности, на чью сторону встанет армия. До них доходят всевозможные слухи, и не исключена возможность вспышки контрреволюции.

Советы, пользующиеся доверием солдат, стремятся успокоить ситуацию, а также привести в порядок разваливающуюся армию. Они хотят навязать новые правила, соответствующие новым политическим реалиям. Россия больше не яв-

ляется империей, поэтому ее армия не должна руководствоваться старыми правилами. Так родилась идея приказа № 1. Но этот документ не демократизировал армию, он дал ей свободу.

Н. Суханов подробно рассказывает об обстановке составления проекта приказа: в спешке, без раздумий, не обсуждения с руководством армии. Были созданы солдатские комитеты, армия де-факто стала подчиняться Советам.

Для солдат это воспринимается с радостью и облегчением, для военачальников это начало конца существующей армии. «Движимые благими намерениями максимально демократизировать армию, они (социал-демократы) не смогли предвидеть всех негативных последствий. Приказ № 1 привел к дезинтеграции армии, падению дисциплины в ней, а более глобальные размеры имели бесславный исход Первой мировой войны и унижительный для России Брестский мир» [19, с. 148].

Немало наблюдателей, которые связывают эти два негативных события с Приказом № 1. Благие намерения меньшевиков снова воплощаются большевиками в плохие.

Меньшевики хорошо знают, что следует за таким приказом, но судьба государства тогда решается в считанные часы, действовать надо быстро. Умеренные социал-демократы действуют необдуманно, что для них нехарактерно. Они, несомненно, хотят порядка, хотят, чтобы новое правительство работало спокойно, не окруженное солдатами без офицеров. На войне место солдат – на поле боя. Но они также хотят, чтобы те же солдаты были на их стороне – и результат налицо. Свидетельствует ген. Деникин: «Вожди революционной демократии прекрасно знали результаты приказа № 1, но все они отрицали свою причастность к его написанию, просто умыли руки. Керенский “патетически” заявил, что отдал бы десять лет жизни, лишь бы приказ не был подписан». Генерал цитирует протокол собрания 4 марта, в котором Церетели утверждает: «Перед нами была неорганизованная толпа, и нам пришлось ее организовать». Скобелев также говорил о напряженной ситуации и неуверенности среди них в том, как фронт относится к революции. Впечатляют слова одного из членов Совета рабочих и солдатских депутатов, редактора газеты «Новая жизнь» Иосифа Гольденберга: «Приказ № 1 был не ошибкой, а необходимостью. Он не был отредактирован Соколовым, а был единогласным решением Совета. В тот день, когда мы “сделали революцию”, мы поняли, что, если мы не разобьем старую армию, она раздавит революцию. Нам пришлось выбирать между армией и революцией. Мы не колебались: мы решили в пользу последнего и использовали – я смело заявляю об этом – правильные средства» [20, с. 19-21].

О том, что меньшевики знали, что делали, свидетельствуют их действия после выхода приказа № 1. Они попытались смягчить его последствия с помощью приказа № 2 и прокламации, которая аннулировала оба приказа. Со всем этим соглашались либералы, но слишком поздно. Через несколько дней уточняется, что приказ распространяется только на Петроградский военный округ. Как отметил ген. Деникин, последние действия властей не имеют никакого значения и веса. Для солдат существует только приказ № 1.

Их это устраивает, и никакая другая работа их не интересует. Письмо капитана своему отцу, помещику в Тульской губернии, прекрасно иллюстрирует восприятие революции солдатами и реваншизм, охвативший их в отношении своих командиров: «Между нами и солдатами – бездонная яма. Для них мы были, есть и будем хозяевами. Для них это не политическая, а социальная революция, в которой они – победители, а мы – побежденные. Теперь они говорят нам, что у них

есть свои собственные комитеты. Раньше мы были хозяевами, а теперь они ... они наконец-то отомстили за века рабства» [21, с. 52].

Месть – это самая большая проблема российского общества. Нет единства, все хотят мести: солдаты от военачальников, крестьяне от помещиков, бедные от богатых, рабочие от предпринимателей. В России в 1917 г. это была одна из главных проблем – отсутствие единой нации.

Серия законов, принятых Советами, не только не сплотила армию, но и еще больше настроила солдат против офицеров. По мнению немногих наблюдателей, создание солдатских комитетов стало одной из главных причин разложения армии и проводником большевистской пропаганды. Они не «ограничились официально возложенными на них функциями и начали вмешиваться в вопросы военной стратегии и военной дисциплины». «Они открыто призывают солдат к неповиновению, “солдатская власть” быстро распространяется в подразделениях, что является основой для “окопного большевизма”» [21, с. 53].

Генерал Алексей Брусиллов также недоумевал, как люди, стоящие у власти, не понимают, что их действия ведут революцию к большевистской власти. «Среди солдат лозунг “Долой войну, мгновенный мир любой ценой и мгновенный захват земли у помещиков” ... Офицеры становятся врагами в сознании солдат, ... разнородность господ в военной форме». Для генерала огромной проблемой в армии стало допущение политической пропаганды, он говорил о политиканстве, все это вело к окопному большевизму. Если «приказ № 1 - первый фактор разложения армии, то второй – бесконечное чтение газет, которые втягивают солдат в бесконечные дискуссии о программах различных партий ..., о войне и мире, вместо того, чтобы реально воевать». В армии идет нескончаемая революционная пропаганда, которой покровительствуют Советы, большинство пропагандистов уполномочены ими. Брусиллов был свидетелем того, как постепенно менялись лозунги, влиявшие на солдат. Старое «За Веру, Царя и Отечество!» сменяется Февралем, становятся несостоятельными и те, что были у Временного правительства. «Мир без аннексий и контрибуций!» и «Право народов на самоопределение!» также становятся несостоятельными. Лозунги большевиков «За власть рабочих и крестьян!» и «Долой буржуазных капиталистов!» становились все более знакомыми и понятными каждому. «Я не могу понять кадетов, меньшевиков и эсеров, которые постоянно нападают друг на друга, борются за власть и старательно разрушают те устои, которые, по их мнению, укрепляются» [22, с. 269-270, 275-276].

В армии меньшевики допустили ряд ошибок, которые не только не демократизировали ее, но и подготовили почву для того, чтобы она легко и быстро перешла на сторону большевиков. Большевики обещают им то, что солдаты хотят услышать – землю и мир. Что обещает перерастать в национализацию и гражданскую войну. Еще один шаг, который выбрасывает меньшевиков из политической жизни страны, – это их союз с буржуазией. Они приняли это решение с самого начала своего противостояния с большевиками; это одна из главных вещей, которая отличает их от большевиков. Но эти взаимодействия также следуют внутренней логике специфики российского революционного движения. Отсутствие какой-либо политической свободы и культуры привело к искажению самой политической системы, которая зародилась в империи только в XX веке.

Сначала родились социалистические партии, причем подпольные; партии были созданы интеллигенцией, которая перенесла в них все свои недостатки. Интеллигенция как часть общества в России – это не совсем то, что интеллигенция

на Западе. Значительная ее часть не занимается наукой, образованием, искусством, а посвятила свою жизнь борьбе с самодержавием. Она несет вину перед народом, она чувствует себя обязанной освободить его, но так, как считает нужным. Эти интеллектуалы / революционеры составляют основу партий, которые в первую очередь защищают свои идеи, а во вторую – интересы людей, которые их поддерживают.

Буржуазия также несет в себе особенности самого своего рождения и становления как экономической и политической силы. Ее главная проблема в том, что она долгое время оставалась зависимой от автократии и служила ее интересам, в то время как на Западе буржуазия выступила именно против этого института, чтобы получить больше прав для себя. У большинства буржуа психология помещика / крестьянина, в то время как у рабочих крестьянская психология. Эта путаница не могла не отразиться на политической жизни и характере русских революций.

Буржуазия так и не выполнила свою работу в России. Сначала ее функции захватили декабристы, а затем социал-демократы. Если для западного политика слова Павла Аксельрода «буржуазную революцию в России возглавит социал-демократия» звучат непонятно и абсурдно, то для русских это нечто естественное и соответствующее их политической реальности [23, с. 1903].

Таким образом, после Февральской революции умеренные социал-демократы и умеренные либералы заключили союз. У одного есть поддержка народа, но нет власти, у другого есть власть, но нет поддержки с улицы. В результате ни одному из них не удастся реализовать свою программу. Большевики постепенно теряют ту поддержку, которую они имели в начале революции, каждый день во Временном правительстве становится для них катастрофическим. Их попытка балансировать между марксизмом, реальной ситуацией в России и желанием обратиться как к буржуазии, так и к пролетариату провалилась.

Конечно, в провале Временного правительства не следует винить только умеренную социал-демократию. Либералы также совершили много ошибок. Они так и не дозрели до идеи быстрых и решительных реформ, которые заложили бы основы либерального правового государства, не смогли создать учреждение, которое будет их поддерживать. Российская буржуазия никогда не могла пойти на компромиссы, на которые пошла западная буржуазия в отношении рабочих, тем самым снизив социальную напряженность.

Когда крестьяне понимают, что Временное правительство не отдаст им землю помещиков, рабочие не получают фабрики, солдаты не вернутся с фронта, энтузиазм и поддержка его быстро исчезают.

Россия снова движется к диктатуре. Правое крыло терпит поражение – большевистское, прикрывающееся обещаниями демократии и равенства, преуспевает.

Слова Константина Леонтьева о революции, сказанные за несколько лет до ее начала, оказались пророческими: «Никакая пугачевщина не может так повредить России, как очень мирная, очень законная демократическая конституция ... Либерализм приведет нас к взрыву, а так называемая конституция будет самым верным путем к насильственному социалистическому перевороту, к натравливанию бедных классов на богатых, против помещиков, против банкиров, может быть, за новую, страшную Пугачевщину ... Русского сдерживают гораздо больше

духовные чувства к личности своего богопомазанного государя и многолетняя привычка повиноваться ему как рабу ... чем похищение / абстрагирование закона. Если бы самоуправление потеряло свое значение и народ понял, что им управляет не государь, а какие-то депутаты, не имеющие для него значения, избранные неизвестно каким образом, рабочий человек подумал бы, что у него больше нет причин подчиняться» [24].

В России после 1917 г. были все предпосылки для сильной социал-демократии, и она была реализована, но, сделав ставку опять на крайности, победителями оказались большевики, которые быстро заменили ее российской версией коммунизма. По сей день ни социал-демократия, ни либерализм не восстановили свои позиции в стране.

История меньшевизма доказывает, что важно не то, кто начинает политическое предприятие, а то, кто и как его заканчивает. К сожалению, большевики положили конец русской революции. Парадокс заключается в том, что меньшевики своей политикой хотели закрыть дверь власти для таких течений, как большевики, но большинством своих действий в 1917 г. они широко открыли ее для них.

Автор статьи не возводит меньшевизм в культ и не утверждает, что это лучшее, что могло случиться с Россией. Это альтернатива большевизму, который потерпел неудачу. Причины краха меньшевиков находятся как внутри, так и вне их. Победа большевиков – это победа не социал-демократии, а диктатуры. Самый большой парадокс для меньшевиков заключается в том, что их идеологическая эволюция на европейском пути привела к их политическому краху на русском пути. Они теряют настоящее, но идея социал-демократии, особенно Мартова, остается: «Для меня социализм всегда был не отрицанием индивидуальной свободы и индивидуальности, а, наоборот, высшим их воплощением...» [10, с. 586].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Нолте Ернст. Европейската гражданска война. – София, 2011, – С. 440.
2. Бердяев Н. Новото средновековие. Т. 2. – София, 2003. – С. 559.
3. Медушевский А.В. Февральская революция 1917 года в российской истории // Отечественная история. – 2007. – № 5. – С. 20.
4. Письма П.Б. Аксельрода и Ю.О. Мартова. – Берлин, 1924. – С. 145-146.
5. Известия. № 195, 12 октября 1917.
6. Тютюкин С. Меньшевизм как идейно-политический феномен / Десять лет в журнале Отечественная история. – М., 2005. – С. 103.
7. Бердяев Н. Самопознание. Руската идея. Т. 6. – София, 2007. – С. 239.
8. Хънтингтън С. Сблъсъкът на цивилизацията и преобразуването на световния ред. – София, 2002. – С. 219.
9. Далин Д. Меньшевизм в период советской власти / Menshevik. – Benson, 1988. – С. 147.
10. Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. – М., 1997. – С. 586.
11. Рукопись письма П.Б. Аксельрода Ю.О. Мартову / Ненароков А. История одного письма. – М., 2008. – С. 50.
12. Кара-Мурза С. Февраль – Октябрь. Две революции – два проекта. – М., 2017. – С. 199–202.
13. Галили З. Лидеры меньшевиков в русской революции. – М. – С. 46-47.
14. Хеймсон Л. Меньшевизм и эволюция российской интеллигенции // Россия – XXI. – 1995. – № 3-4.

15. Атанасова А. Меншеви́змът в 1917 година: пропуснатите възможности. УИ «Епископ Константин Преславски». – Шумен, 2017. – С. 31-35.
16. Денике Ю. Меншеви́ки в 1917 году / Меншеви́ки. Сб. воспоминаний и документов; сост. Ю. Фельштинский. – Бенсон, Вермонт, 1988. – С. 48.
17. Меншеви́ки. Документы и материалы 1903 – февраль 1917 г. – М., 1996. – С. 123.
18. Галин, В. Тенденции. Война и революция. М., 2004, 93.
19. Костяев, Э. Российские социал-демократы и Приказ № 1 Петроградского Совета от 1 марта 1917 г. – Власт, 2014, 4, с. 148.
20. Деникин, А. Очерки русской смуты. Т. 1. Париж, 1921. http://militera.lib.ru/memo/russian/denikin_ai2/1_06.html (към 15.04.2021)
21. Верт, Н. Россия в революции. М., 2003, с. 52.
22. Брусилов, А. Воспоминания. М., 1963, 269–270.
23. „Искра“, № 55, 15 декабря 1903.
24. Н. Бердяев, Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли. <http://www.vehi.net/berdyaev/leontev/05.html> – (към 24. 04. 2021).

REFERENCES

1. Nolte Ernst. Evropeiskata civil war. Sofia, 2011, P. 440.
2. berdyaev N. Novoto srednovekovie. T. 2. Sofia, 2003. P. 559.
3. Medushevsky A.V. February Revolution of 1917 in Russian History. Native History. 2007. № 5. - P. 20.
4. Letters of P.B. Axelrod and J.O. Martov. Berlin, 1924. P. 145-146.
5. Izvestia. No. 195, October 12, 1917. (In Russ.).
6. Tyutyukin S. Menshevism as an ideological and political phenomenon / Ten years in the journal Otechestvennaya istoriya. M., 2005. P. 103. (In Russ.).
7. Berdyaev N. Self-knowledge. Ruskata Idea. T. 6. Sofia, 2007. P. 239.
8. Hntingtjn S. Sbl'sh'kt at civilizatsii i transformavaneto na svetovaniya ed. Sofia, 2002. P. 219.
9. Dalin D. Menshevism in the period of Soviet power. Menshevik. Benson, 1988. P. 147.
10. Mensheviks in 1917. T. 3. PART 2. M., 1997. P. 586. (In Russ.).
11. Manuscript of P.B. Axelrod's letter to J.O. Martov. A. Nenarokov. M., 2008. P. 50. (In Russ.).
12. Kara-Murza S. February - October. Two revolutions - two projects. M., 2017. P. 199-202. (In Russ.).
13. Galili Z. Leaders of the Mensheviks in the Russian Revolution. - M. - P. 46-47. (In Russ.).
14. Kheymson L. Menshevism and the evolution of the Russian intelligentsia. Russia - XXI. 1995. № 3-4. (In Russ.).
15. Atanasova A. Menshevism in 1917 gadina: oprosnatite vzmozhnosti. UI "Bishop Konstantin Preslavski". Shumen, 2017. P. 31-35.
16. Denike Y. Mensheviks in 1917 / Mensheviks. Collection of Memoirs and Documents; comp. Y. Felshtinsky. Benson, Vermont, 1988. P. 48.
17. Mensheviks. Documents and Materials 1903 - February 1917. M., 1996. P. 123. (In Russ.).
18. Galin, V. Trends. War and Revolution. M., 2004, 93. (In Russ.).
19. Kostyaev, E. Russian Social Democrats and Order No. 1 of the Petrograd Soviet of March 1, 1917. Vlast, 2014, 4, p. 148.

20. Denikin, A. Essays on the Russian Troubles. T. 1. Paris, 1921.
URL:http://militera.lib.ru/memo/russian/denikin_ai2/1_06.html (by 15.04.2021)
21. Werth, N. Russia in the Revolution. Moscow, 2003, p. 52. (In Russ.).
22. Brusilov, A. Memories. M., 1963, P. 269-270. (In Russ.).
23. "Iskra", No. 55, December 15, 1903. (In Russ.).
24. N. Berdyaev, Konstantin Leontiev. Sketch from the History of Russian Religious Thought. URL:<http://www.vehi.net/berdyaev/leontev/05.html> - (към 24. 04. 2021). (In Russ.).

Информация об авторе: Ася Атанасова, Шуменский университет им. Епископа Константина Преславского.

г. Шумен, Республика Болгария

rosi_angelova@abv.bg

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Asya Atanasova, Konstantin Preslavsky Shumen University.

Shumen, Republic of Bulgaria

rosi_angelova@abv.bg

The author has read and approved the final manuscript

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 21.03.2021

Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 21.04.2021

Принята к публикации / Accepted for publication: 27.04.2021

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов./ The author declares no conflicts of interests